

Когда Цинь Чжэньюй спускался по лестнице, он увидел, как Кун Цинлинь и Ши Яньжу таинственно жмутся друг к другу. Заметив, что Кун Цинлинь того и гляди заключит Ши Яньжу в объятия, его лицо мгновенно помрачнело.

Нарочно застучав каблуками, Цинь Чжэньюй с улыбкой обратился к Ши Яньжу:

— Братец, о чём это вы тут шепчетесь, так загадочно?

Ши Яньжу, не зная, боится ли Цинь Чжэньюй страшных историй, поспешно поманил его:

— Иди сюда скорее, Цинлинь собирается рассказать мне историю о том, как мальчишку посреди ночи утащили в лесок.

Цинь Чжэньюй изогнул брови, глядя на Ши Яньжу, и мягко произвел:

— Братец любит истории такого типа? Я потом тоже могу тебе порассказывать.

И при этом собирался бы рассказывать прямо в постели, сопровождая рассказ наглядной демонстрацией.

Ши Яньжу не уловил скрытого смысла в словах Цинь Чжэньюй и торопливо кивнул:

— Можно и так. Чтобы слушать саспенс или триллер, нужно, чтобы народу было побольше, а на троих атмосферы маловато.

Цинь Чжэньюй с ухмылкой посмотрел на Кун Цинлиня и нарочито протянул:

— Ах вот оно что, значит, история в жанре саспенса и триллера.

Кун Цинлиня аж перекосило от досады, он бросил на Цинь Чжэньюй злой взгляд:

— А ты о каких историях подумал? У самого глаза грязные, так и вокруг него всё кажется грязным.

В конце концов Кун Цинлинь так и не стал рассказывать историю про лесок и в ярости убежал вверх.

Вернувшись в комнату, Кун Цинлинь со свирепым выражением лица принялся колотить подушку, словно под его руками находился сам Цинь Чжэньюй. Выплеснув злость, он принялся бормочать себе под нос:

— Нет, нельзя сидеть сложа руки. Этот дурень Ши Яньжу рано или поздно позволит тому мерзавцу сожрать себя так, что и косточек не останется.

Весь день Цинь Чжэньюй неотступно, как Инцзы, следовал по пятам за Ши Яньжу, а увидев

картины Ши Яньжу, застыл с глазами, полными крайнего изумления.

Его ошеломленное выражение лица позабавило Ши Яньжу, и он с нарочитой гордостью спросил:

— Что, думал, я шучу, когда говорил о своем таланте к рисованию? У меня и правда есть дар. Преподаватель говорил, что мои работы одухотворены, да и все техники я схватываю с первого раза.

Цинь Чжэньюй не удержался и протянул руку к еще не высохшему холсту, на котором был изображен человек, бегущий вслед за велосипедом в лучах заката. На беглеце была такая же белая рубашка и брюки, как на Ши Яньжу, а через плечо был перекинут точно такой же рюкзак, каким Ши Яньжу пользовался ежедневно.

Глядя на пестрые очертания человека на велосипеде, Цинь Чжэньюй почувствовал странное раздражение и глухим голосом спросил:

— Кто этот человек на велосипеде?

Какое он имеет право заставлять Ши Яньжу бежать за ним?

Ши Яньжу странно посмотрел на Цинь Чжэньюй:

— Разве ты не понял? Велосипед — это реальность, море цветов — это жизнь, к которой стремишься, а разноцветная фигура на велосипеде — это надежда. Я же не за кем-то гонюсь, я ищу надежду.

Узнав, что Ши Яньжу преследует вовсе не какого-то человека, мрачное лицо Цинь Чжэньюй тут же просветлело. Притащив стул, он уселся позади Ши Яньжу и, указав на зеркало неподалеку, произнес:

— Братец, а можешь нарисовать портрет нас с тобой?

Ши Яньжу проследил за взглядом Цинь Чжэньюй, посмотрел в зеркало и слегка нахмурился. Цинь Чжэньюй был крупного роста, и стул, на котором он сидел, возвышался гораздо выше того, что был у Ши Яньжу. Его грудь вплотную прижималась к спине Ши Яньжу, а мольберт, стоявший перед ними, создавал видимость, будто Ши Яньжу заключен в объятия Цинь Чжэньюя.

В старшей школе Ши Яньжу получал любовные письма от парней. Он не испытывал отвращения к однополым отношениям, но и не одобрял их.

У него было два романа, и оба раза они расставались по одной причине: он был слишком хорош собой, из-за чего девушки чувствовали себя неуверенно и самовольно вешали на него ярлык ветреного мерзавца.

Заметив, что взгляд Ши Яньжу потерял фокус, Цинь Чжэньюй нарочно положил руку ему на колено и спросил:

— О чем думает старший брат? Неужели я тебе неприятен и ты не хочешь меня рисовать?

Увидев в зеркале постепенно мрачающееся выражение лица Цинь Чжэньюя, Ши Яньжу быстро сменил лист бумаги и поспешно бросил:

— Да успокойся ты, я же не говорил, что не буду рисовать. Не надумывай себе всякой ерунды.

Ши Яньжу принялся набрасывать линии карандашом, но чем дольше он смотрел, тем сильнее волновался.

Почему Цинь Чжэньюй такой высокий?

Они ведь сидели на приличном расстоянии друг от друга, так почему же в отражении зеркала казалось, будто он сидит на коленях у Цинь Чжэньюя?

Ши Яньжу то и дело поднимал взгляд на зеркало, и в какой-то момент заметил, как Цинь Чжэньюй свирепо уставился на него, от испуга у него чуть сердце не остановилось.

Заметив, что напугал Ши Яньжу, Цинь Чжэньюй торопливо помассировал виски и, изобразив страдальческий вид, произнес:

— Братушка, Нань Ань снова мне звонил. Говорит, психотерапевт подгоняет, но я не хочу идти.

Ши Яньжу тут же выбросил из головы только что увиденный страшный взгляд и с предельной серьезностью сказал:

— Нельзя не идти. Давай так: в какой день назначена встреча с врачом, я пойду с тобой.

Цинь Чжэньюй нарочно нахмурился, жалобно прижался головой к шее Ши Яньжу и обиженным голосом произнес:

— Но я не хочу идти. Психотерапевты — просто бездари. Сколько меня лечат, только и умеют, что советовать расслабиться, а толку ноль.

Все мысли Ши Яньжу были сосредоточены на том, как бы сводить Цинь Чжэньюя к врачу, и он совершенно не обратил внимания на голову, опершуюся на его плечо.

В конце концов, проявив терпение, Ши Яньжу долго уговаривал его, пока Цинь Чжэньюй наконец не согласился в субботу пойти с ним к психотерапевту.

Закончив рисунок, Ши Яньжу нахмурился.

Почему эта картина с каждым разом казалась все страннее? Рослый Цинь Чжэньюй сидит позади него, положив голову ему на плечо, а сам он, сосредоточившись, вырисовывает линии у окна, причем солнечный свет на палитре он подобрал невероятно теплых тонов.

— Не могу поверить, что старший брат учится меньше месяца, а уже способен так рисовать. Его вполне можно назвать гением. Могу я забрать этот рисунок себе? — Цинь Чжэньюй сильно прикусил кончик языка и незаметно отступил назад, чтобы не потерять самообладание перед Ши Яньжу.

Всего лишь рисунок. Ши Яньжу написал на нем пожелания и отдал Цинь Чжэньюю, но, повернувшись, тут же угодил в плен его глубоких, манящих глаз.

В глазах Цинь Чжэньюя Ши Яньжу увидел собственное отражение — словно во всем мире для Цинь Чжэньюя существовал только он один.

Ши Яньжу тут же отрезвил собственный нелепый порыв. Вечером Цинь Чжэньюй позвонил Нань Аю и бесстрастно отдал приказ:

— Подготовь мне настоящую психиатрическую справку. Запомни: у меня тяжелое психическое расстройство, приступам сопутствуют потеря рассудка и склонность к жестокости, а беспокойство вызывает тревожность и членовредительство. На субботу запиши меня к психологу, я поеду вместе со старшим братом. Если ошибешься хоть в одном слове, отправишься кормить рыбок в Тихий океан.

Нань Ань повесил трубку и, в бешенстве глядя на телефон, заскрежетал зубами:

— Если бы не зарплата в несколько миллионов в год, да кто в здравом уме согласился бы быть личным секретарем!

Цинь Чжэньюй завершил вызов, немного подумал, зашел в ватную и с помощью маленького ножа оставил на руке множество мелких порезов.

В субботу Ши Яньжу встал очень рано, но обнаружил, что как бы рано он ни поднимался, Цинь Чжэньюй всегда оказывается быстрее него, а на столе неизменно ждет идеально подогретый завтрак.

Кун Цинлинь, неопрятный и в шлепанцах, выхватил у Ши Яньжу из рук булочку и бросил на него косой взгляд:

— Ты вырядился так официально, куда-то собрался?

Обычно, когда Ши Яньжу рисовал в своей студии, он одевался предельно удобно.

Даже надевая рубашку, он никогда не завязывал галстук.

Ши Яньжу поднял глаза на Цинь Чжэньюй и глухо произвел:

— Мы с Чжэньюй договорились прогуляться.

О похищении психолога нельзя было говорить Кун Цинлиню.

Лицо Кун Цинлиня мгновенно помрачнело, и он раздраженно выпалил:

— Да как ты можешь идти с ним гулять! Ты хоть знаешь... знаешь его...

Рука Ши Яньжу, сжимавшая палочки для еды, невольно напряглась. Неужели Кун Цинлинь тоже понял, что у Цинь Чжэньйой психическое расстройство?

Кун Цинлинь тяжело вздохнул:

— Ладно. Ты сам себя ни в грош не ставишь, с чего это я должен за тебя переживать?

С этими словами он швырнул палочки на стол и в ярости уставился на Ши Яньжу, ожидая, пока тот начнет его умиротворять.

Цинь Чжэньйой внезапно поднялся, перехватил Ши Яньжу за запястье и ледяным взглядом посмотрел на Кун Цинлиня:

— Прекрати целыми днями нести всякую чушь с двойным дном. Он мой старший брат, и мои отношения с ним намного ближе твоих.

Кун Цинлинь с силой отпихнул обеденный стол подальше:

— Какую грязную кашу ты заварил в своей голове, ты и сам прекрасно знаешь.

Ши Яньжу растерянно хлопал глазами, переводя взгляд с Кун Цинлиня на Цинь Чжэньйой:

— С самого утра, чего вы оба так кипятитесь? Вы же вроде договорились жить дружно, хотя бы ради меня — проявите друг к другу чуточку терпения.

Кун Цинлинь посмотрел на Ши Яньжу взглядом, полным разочарования. Видя, что тот все еще защищает Цинь Чжэньйой, он скривил зубы и злобно бросил:

— Ты думаешь, он подарок? Если не хочешь слушать моих советов, рано или поздно он утащит тебя в кусты и осквернит, только потом не приходи ко мне плакаться.

Ши Яньжу замер, словно пораженный молнией. Что еще за осквернение в кустах?

Цинь Чжэньйой с мрачным лицом потянул Ши Яньжу за собой к выходу, а Кун Цинлинь орал ему вслед:

— Цинь Чжэньйой, только попробуй тронуть Яньжу хоть пальцем, я с тебя шкуру сдеру!

Уже в машине Ши Яньжу, еще не оправившись от шока, поспешно спросил:

— Что только что имел в виду Кун Цинлинь? Почему у него сложилось такое превратное мнение о тебе? Разве наши разногласия начались не из-за меня? Мы же с тобой уже помирились, почему его отношение к тебе стало еще хуже, чем раньше?

Называть Цинь Чжэньйой Сыном Судьбы было не преувеличением, и идти против него для Кун Цинлиня точно не сулило ничего хорошего.

Если он хотел изменить судьбу Кун Цинлиня, ему нужно было сделать так, чтобы тот подружился с Цинь Чжэньйой, или хотя бы не стал враждовать.

Цинь Чжэньйюй знаком велел водителю трогаться с места и потер виски:

— Мало ли какой бред у него в голове водится, вечно ко мне цепляется. Давай съедем и будем жить отдельно.

Ши Яньжу озадаченно и нерешительно переспросил:

— Куда съедем?

Цинь Чжэньйюй положил руку на плечо Ши Яньжу:

— Ты ведь любишь рисовать? Давай переедем на ту виллу, где ты уже ночевал. Там тихо, воздух прекрасный, пейзажи чудесные — лучше места для творчества не найти.

Ши Яньжу молчал и не кивал, а Система вовсю орала у него в голове:

— Ни в коем случае не соглашайся! Он же психически больной, у него бывают приступы. Переедешь жить к нему и понятия не будешь иметь, когда он сорвется с катушек. Тогда хоть кричи о помощи — небеса не услышат, к земле не достучишься.

Видя, что Ши Яньжу молчит, Цинь Чжэньйюй снова улыбнулся:

— На самом деле, жить в общежитии тоже неплохо. Пока старший брат не против моего общества, я готов жить где угодно.

Ши Яньжу вдруг проникся жалостью к Цинь Чжэньйюй: человек с миллиардным состоянием добровольно терпит презрительные взгляды Кун Цинлиня только ради того, чтобы жить с ним под одной крышей.

На его месте он бы такое точно не вынес.

— Почему бы тебе не попробовать завести романтические отношения? В университете наверняка найдется кто-то, кто искренне к тебе привязан. Даже узнай они о твоём недуге, они никому не проболтаются, да и болезнь можно скрывать во время встреч.

Едва Ши Яньжу договорил, лицо Цинь Чжэньйюй мгновенно окаменело, и он низким, глухим голосом поинтересовался:

— Старший брат хочет, чтобы я завел отношения, потому что хочет от меня избавиться? Ты меня обманываешь? Ты ведь на самом деле меня боишься — боишься, что из-за моего безумия я могу причинить тебе вред.

Эмоции Цинь Чжэньйюй накалялись с каждой секундой. Ши Яньжу, словно заново увидев его невменяемым в тот злополучный вечер, суетливо замахал руками и принялся успокаивать его мягким голосом:

— Успокойся, пожалуйста. Я не обманываю тебя и не хочу от тебя избавляться. Возьми себя в руки, сделай глубокий вдох.

Помолчав довольно долго, Цинь Чжэньйюй вдруг крепко притянул Ши Яньжу к себе:

— А ты, старший брат? Ты когда-нибудь заведешь романтические отношения?

Ши Яньжу подумал: если ему удастся изменить судьбу, он сможет выжить, а впереди долгие

годы, и, конечно же, придется жениться и завести детей.

Но он не смел сказать Цинь Чжэньюй, что планирует жениться.

Он боялся, что у того снова разыграется нездоровое воображение — логика Цинь Чжэньюй была совсем не такой, как у нормальных людей.

<http://bllate.org/book/22176/2310490>